

донскаго селянина, подобно прелестной дѣвѣ Юго-Востока, копорую судьба, руками корсера, бросила было на чужбину, на паркетъ Лондона и Парижа, гдѣ ея воинственный покррой вошелъ было въ моду, но не *обнародился* между селянами Сейны и Темзы.—Теперь прибавимъ словца два

О ВЛІЯНІИ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ НА ИСТОРИЮ.

Такъ какъ самыя *ожесточенныя* племена болѣе всѣхъ сказколюбивы, и: е: самыя воинственные народы болѣе всѣхъ сохраняющъ преданія, по первый зародышъ Истории должно искать у нихъ.

Народъ обыкновенно любитъ воспѣвать лучшіе члены общесства, ибо насъ прогаешъ только то, что краснѣе, что изящнѣе, что благороднѣе. Своя колея не предспавляетъ того идеала, къ копорому обыкновенно спремился человеческое воображеніе. Эпиче идеалы народъ находить въ высшемъ кругу общесства; а обыкновеннѣе всего любитъ онъ воспѣвать *царевичей, королевичей, царевнъ* и богатырей славнаго происхожденія. Таковы извѣсныя сказки въ Сѣверной Руси о *Бовѣ Королевичѣ* и *Еруслапѣ Лазаричѣ*. Чудные царевичи и чудныя сказки еспъ въ горахъ Карпатскихъ между шамошнею Русью. Не знаю подробносней о всѣхъ герояхъ Днѣпровской Руси попому, что не случилось мнѣ обращать на это вниманіе. Проездомъ однако, въ 1851 году, чрезъ Полтавскую губернію, я заспавилъ ямщика *казати казку*. «*Тя якую же вамъ, Панае, казку!*» возразилъ онъ съ видомъ несогласія. Ну какую либо получше; или какую